

Такой обмен вопросами и ответами раздражал Сяо Кана, и ему хотелось, подобно Чжао Линьцзяну, напрямую спросить: какого рода отношения связывают тебя с той женщиной?

Сун Юй внезапно встал, повернувшись к Сяо Кану спиной:

— Ладно, возвращайся в комнату, собери вещи. Завтра спускаемся с горы.

— Цзинъюнь уже всё собрал, — глаза Сяо Кана приковались к спине наставника.

Сун Юй кивнул:

— Понял.

Сказав это, он сделал шаг, но, пройдя несколько шагов, Сяо Кан не выдержал и окликнул его:

— Учитель!

Тело Сун Юя замерло, и он обернулся:

— Что ещё?

— Сестра Ду... её кулинарное мастерство... превосходит Цзинъюня? — Сяо Кан запинаясь, произнес это, он опустил голову.

Сун Юй на мгновение задумался:

— Зачем тебе это знать?

— Учитель, просто ответь мне.

Сун Юй, сам не зная почему, позволил уголкам губ дрогнуть в лёгкой улыбке, но тут же спрятал её.

Сяо Кан продолжал настаивать:

— Учитель ответит мне?

Сун Юю стало и смешно, и досадно, но он всё же серьёзно ответил:

— Ты лучше.

— Учитель, не обманывай.

— Я никогда тебя не обманывал.

Получив удовлетворительный ответ, Сяо Кан наконец смущённо кивнул.

В сердце Сун Юя стало тепло:

— Ладно, ведёшь себя как ребёнок. Иди спать.

— Да!

Этой ночью Сяо Кан наконец-то уснул спокойно.

Подумав о спуске с горы, Сяо Кан встал на рассвете, полный воодушевления.

Сун Юй, глядя на его оживлённый вид, внутренне смеялся над его ребячеством.

Ду Нуцзяо, узнав, что Сун Юй снова спускается с горы, выглядела несколько подавленной, но двое других не обратили на это внимания.

Выйдя за ворота крепости, они оказались перед изумрудной рекой, через которую был перекинут каменный арочный мост, построенный когда-то приёмным отцом Сяо Кана, Сяо Цянем, собственноручно вместе с людьми.

На мгновение они задержались на мосту. После Лися [начала лета] горы и долины были покрыты бескрайней зеленью.

— Небо и земля — это временное пристанище для всех существ, а время — мимолётный гость для всех поколений.

Каждый раз, стоя на мосту, Сун Юй не мог не вспоминать своего покойного названного брата.

Сяо Кан, стоя позади него, машинально протянул руку, но тут же убрал её.

Затем он попытался утешить его:

— Если рассматривать всё с точки зрения изменчивости, то даже небо и земля не могут оставаться неизменными в одно мгновение; если же рассматривать с точки зрения постоянства, то всё окружающее и мы сами бесконечны.

Услышав это, Сун Юй обернулся и посмотрел на Сяо Кана:

— Слова Цзинъюня совершенно верны.

— Всё это вы мне преподали, — сказал Сяо Кан, чувствуя лёгкое смущение.

Взгляд Сун Юя задержался на этом прекрасном юноше перед ним. Он подумал: если бы брат мог увидеть Сяо Кана таким, он наверняка был бы очень доволен.

Спустившись с моста, нужно было торопиться в путь — им предстояло до наступления темноты добраться до Гуань Яо.

Прожив долгое время в уединённой крепости Хэйяо, Сяо Кан, увидев бедность и запустение в деревнях у подножия горы — истощённую землю, обнищавший народ, заброшенные промыслы и скудные средства, — сразу же потерял своё радостное настроение.

Сун Юй тоже выглядел мрачным и подавленным.

Каждые пол-ли они встречали нищего, просящего подаяния у дороги. Хотя у них с собой было достаточно денег и ценностей, они не могли раздавать их всем подряд, тем более что путь был ещё долгим, и они не знали, сколько ещё нищих встретят.

Но Сун Юй всё же велел Сяо Кану по возможности дать каждому просящему по несколько медяков.

Они шли по деревенской дороге и только к полудню добрались до деревни, где решили отдохнуть и перекусить.

Добрая женщина пригласила их в свой дом, предложив два лишних комплекта палочек и пиал. Они не стали отказываться.

За столом женщина рассказала, что у неё есть лишь один сын, который ушёл в армию и уже два года не возвращался. В последнее время в округе разразилась эпидемия, и многие жители деревни сбежали, но она не решается уйти, боясь, что сын однажды вернётся и не найдёт матери.

Выслушав это, Сун Юй молчал. Сяо Кан, глубоко сопереживая, произнёс несколько утешительных слов.

Покинув дом женщины, они продолжили путь. Сяо Кан заметно притих, каждый был погружён в свои тяжёлые мысли.

Пробыв в пути полтора часа, они снова добрались до деревни.

— Пришли, — сказал Сун Юй, останавливаясь у каменной стелы у входа в деревню.

Сяо Кан, глядя на стелу, пробормотал:

— Деревня Цзян... Дядя Яо здесь?

— Угу, — Сун Юй достал из внутреннего платья два куска белой хлопковой ткани и протянул один Сяо Кану. — Закрой рот и нос.

Сяо Кан недоумённо взял ткань:

— Зачем?

— В деревне эпидемия, — Сун Юй ловко закрыл рот и нос тканью.

Сяо Кан сразу понял. Закрыв лица, они вошли в деревню.

Деревню окутывала удушающая, гнетущая атмосфера. Двери домов были распахнуты настежь, повсюду виднелись болезненные, измождённые жители, а в уши били стоны и жалобы больных.

Сун Юй шёл, не отводя взгляда вперёд, Сяо Кан следовал за ним по пятам. Дойдя до центра деревни, они метров за десять увидели Гуань Яо, раздающего что-то людям.

Заметив их, Гуань Яо тут же передал вещи другим и пошёл навстречу.

— Чунцзинь, Цзиньюнь, вы наконец-то пришли. Принесли то, что нужно? — Гуань Яо был весь в поту, его образ разительно отличался от обычной опрятности.

Сун Юй взял у Сяо Кана узелок, достал оттуда холщовый мешочек и передал Гуань Яо:

— Должно хватить?

Гуань Яо взвесил мешочек в руке:

— Более чем достаточно. Теперь всё должно быть в порядке.

В последующее время Сяо Кан помогал Гуань Яо и другим готовить лекарства и раздавать их жителям, и работа затянулась до вечера.

Вечером Сун Юй повёл Сяо Кана в пустующий дом, чтобы переночевать.

Условия были крайне скромными: во всём доме — несколько табуреток, да ещё маленькая кровать и старое ватное одеяло. Даже с водой были проблемы.

— Учитель... — Сяо Кан стоял в центре комнаты, растерянно держа в руке свечу.

Сун Юй положил свои вещи:

— Придётся потерпеть.

— Мы? — Сяо Кан посмотрел на ту маленькую кровать.

Сун Юй не задумываясь ответил:

— Хочешь спать на полу?

— Если учитель не против.

— Я не против.

Сяо Кан отодвинул свечу подальше, боясь, что её свет выдаст его покрасневшие уши.

— Не мешкай, ложись спать поскорее, завтра ещё дела, — сказал Сун Юй, снимая верхнюю одежду.

Сяо Кан ответил «угу», поставил свечу на табуретку и тоже начал снимать верхнюю одежду.

— Учитель будет спать снаружи или внутри?

— Снаружи.

Забравшись на лежанку, Сяо Кан задул свечу, и Сун Юй последовал за ним.

Они лежали, как два полена. Лежанка была маленькой, между ними оставалось всего три цуня, и казалось, что любое движение или звук были бы нарушением правил.

Пока Сяо Кану не стало неудобно лежать, и он не перевернулся. Только тогда лежащий рядом заговорил:

— Не спится?

— Учитель тоже не может уснуть? — спросил Сяо Кан, глядя на стену.

В темноте Сун Юй вздохнул:

— Месяц назад здесь началась эпидемия. Староста деревни неоднократно сообщал местным чиновникам, но безрезультатно. Правительство округа совершенно не заботится о районе Пинъюн. Я и твой дядя Яо, видя эту картину, чувствуем себя измотанными.

— Учитель, сегодня вы видели, что состояние жителей значительно улучшилось. Пожалуйста, не переживайте слишком сильно, — Сяо Кан снова перевернулся, лицом к Сун Юю.

Сун Юй закрыл глаза:

— Сегодня сверху спустились люди. Будем надеяться, ситуация скоро изменится.

— Обязательно изменится, — Сяо Кан всё больше ощущал, что Сун Юй полон света и обаяния.

Немного поболтав, Сун Юй велел Сяо Кану поскорее заснуть, и вскоре тот затих, его дыхание стало ровным.

Но сам Сун Юй уснуть не мог.

Он постарался перевернуться как можно незаметнее, но оказалось, что лицо Сяо Кана было обращено как раз в его сторону. В одно мгновение всё тело Сун Юя напряглось.

Свет был очень слабым, но Сун Юй мог смутно разглядеть лицо Сяо Кана — покорное, но с резкими и красивыми чертами, с ясным взглядом.

Погрузившись в созерцание на мгновение, Сун Юй тоже почувствовал накатывающую сонливость и протянул руку, чтобы поправить на Сяо Кане одеяло.

И тут случилось неожиданное: тело Сяо Кана наклонилось, рука обхватила талию Сун Юя, а его голова оказалась прижатой к шее Сяо Кана.

Сун Юй широко раскрыл глаза, но не издал ни звука. Рука на его талии была тяжёлой и сильной, тело Сяо Кана — тёплым и вызывающим смятение.

Пролежав так какое-то время в оцепенении, Сяо Кан, казалось, действительно заснул и не совершал больше никаких движений. Только тогда Сун Юй мысленно убедил себя, что тот действительно спит.

Подумав так, Сун Юй расслабил напряжённое тело и решил закрыть глаза и заснуть.

Сяо Кан просыпался с первыми лучами солнца, и сегодня не было исключением.

В это время он открыл глаза. Сун Юй всё ещё спал, и они сохраняли прежнюю позу, обнявшись.

Авторское примечание: «Нянь Нуцзяо», «Шан Си Лоу», «Линьцзян Сянь», «Чунь Тин Фан», «Шао Нянь Ю» — все эти названия поэтических форм (цыпай) мне очень нравятся.

<http://bllate.org/book/16311/1471472>